

www.cirkolimp-tv.ru

п о э т и ч е с к а я
с е р и я

Виктор Коваль

персональная
выставка

Самара 2014

УДК 821.158.1-14
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К 47

К 47 КОВАЛЬ Виктор Станиславович

Персональная выставка: стихи. –
Самара, Цирк Олимп+ТВ, 2014 – 80 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+ТВ

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва)
Владимир Друк (Нью-Йорк)
Ежи Чех (Познань)
Владимир Тучков (Москва)
Николай Байтов (Москва)
Дмитрий Веденяпин (Москва)
Света Литвак (Москва)
Илья Кукулин (Москва)
Александр Макаров-Кротков (Москва)
Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Сергей Лейбград
Виталий Лехциер
Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская

Куратор выпуска: Сергей Лейбград

ISBN 978-5-906607-18-8

© Виктор Коваль, 2014
© Цирк Олимп+ТВ, 2014

Очень весёлое имя Коваль

Александр Блок написал: «Весёлое имя Пушкин». Почему бы мне в наш циничный век после всего не написать: «Весёлое имя Коваль». Тем более, что это так и есть.

Я бы пошёл с ним в разведку, чтобы не воевать, а слушать и видеть. Его миролюбивый, издевательски хмельной и хитрый, может быть, даже лукавый взгляд никогда, никогда не замылен. Наоборот, – он всегда отмывающий, открывающий, отрезвляющий, потрясающий.

Сам-то Коваль – поэт высоко эпический и глубоко частный. Лирик, конечно. Скромный, добрый, отчаянный, красивый, искромётно занудливый. То афористичный, то многозначительный, то рафинированный и фольклорный. Симфонический оркестр песни и пляски. Искренний и мудрый. Безумный, как повседневность. Масштабный и гармоничный. Он какой-то маленький этот большой русский поэт Виктор Коваль. Живой танец живой русской речи. Просто песня – древнегреческая актуальная русская песня. Песнь. Речь. Свободная от морализаторства басня судьбы. Трагическая, как выход скомороха в «Рублёве» Андрея Тарковского. Коваль – это просто песня... Поэт. Пиит. Но совершенно лишённый пафоса и всякого литературно-героического миссионерства. Кажется, что познавший все измы нашего сознания, быта и бытия... Но снова читаешь, смотришь, слушаешь и понимаешь – нет, ещё не все. Виктор, ещё не все, что-то ты ещё не довыразил, не досказал, не договорил, не дописал, не докурил, не доудивил. Давай ещё!..

Виктор Коваль, произношу максимально не высокопарно, действительно художник слова. Он ещё и просто художник. Даже учитель рисования. Эксцентрический бытописатель. Экзистенциальный. И невероятный артист. Артист естественный. Ещё более невероятный, чем тогда, когда он был образцовым советским киноактёром, исполнителем главных детских ролей в «Деле Румянцева» (1955) и «Дружке» (1958)...

Точность и тонкость языкового самочувствия и существования Виктора Ковалья только подтверждает его неизбежно органическое присутствие в созвездии «Личного дела» вместе с Дмитрием Александровичем Приговым, Сергеем Гандлевским, Михаилом Айзенбергом, Львом Рубинштейном и Тимуром Кибировым.

*Именно так и звучат слова бессмертной души,
обращённые к каждому,
кто в повседневности
голос её желает услышать.*

Всеволод Некрасов ловил себя на единственном перекрёстке письма и речи, живой и мёртвой воды. Явление Виктора Ковалева невозможно без синкретического слияния устной речи, письма и пластики, тактильно-смысловой пульсации, театра языка на сценической площадке своего тела, на ярмарочной площади повседневного существования, где ситуация высказывания рождает перформанс события, где случайность обретает акынскую просодию и универсальность анекдота. Ну, просто кино. У него из всего возникает кино. Вернее, поэзия. И сама его фигура становится фигурой речи...

*Гуляет муха в области Магрита,
Стоит в Якутии бутылка, не допита,
В мозгу пластинка вертится – никак
Не распрощается со мною Рио-Рита...*

Частный человек, гуляющий по карте мировой и по природе русской культуры. Внешне, только очень внешне, простоватый энциклопедист-интеллектуал, Леонардо да Винчи, похожий на зашланного казачка. Нашедший возможность высказывания за границами концептуализма. Автор особенно необходимый сегодня в пространстве ряженых вставателей с колен на свалке духовных скреп...

О чём стихи Ковалева? Он сам отвечает нам: «*Да. Я о фатуме, конечно, повествую*». Шутит, наверное, коли не шутит...

Его приезды в Самару и Тольятти в «лихие девяностые» (хорошо, что не в «роковые-сороковые») и в начале «нулевых», его выступления на «Европейских днях в Самаре» и «Майских чтениях» были настоящим – весёлым и непосредственно личным – событием. Для тех, кто вместе со мной делал «Цирк «Олимп», и – что, наверное, более важно – для наших студентов. Как, не сомневаюсь, станет настоящим личным событием и эта книга. Эта «Персональная выставка» Виктора Ковалева в Самаре, Москве и далее везде...

Сергей Лейбград

Автопортрет

Человек я сероокий,
Бросил взгляд из-под бровей,
Если в профиль – однобокий,
Если сверху – муравей.
Был я человек-малютка,
Вырос – сделался похож
На кого-то – это шутка.
На Шекспира – это ложь.
Просто я, как все, нормальный,
Быт ругаю неуютный.
Вообще – принципиальный,
Но сейчас – сиюминутный.
Было. Видел в жизни всяко.
Так припомнить не пора ли,
Скажем, на Тянь-Шане яка,
Хоннекера на Урале?
Человек я небогатый,
Весь в родителя пошёл.
Безымянный мой – женатый
И прокуренный – большой.

Конный портрет юноши в берете

Мне кажется, что в каждом доме
Располагается на фоне
Ограды зоопарка сонный пони –
Неужто тот же? – а на нем – дитя
Сидит с улыбкою цветущей,
К тому же месту общему, цветя,
Впоследствии своих детей ведущий –
В берете черном, в расписной венгерке,
Пошитой мамою по высшей мерке –
Великоватой, но ботинки
Я вспоминаю, жмут на фотоснимке.

Женский парный портрет

Им бы давно разделиться пора.
Как вариант, на Фили и Динамо.
Но Кате нужна кой-какая опора,
А Маше – мама.

Мамино платье из панбархата
Маша надела, а Катя насупилась.
Катя треску пластала, порезалась,
А Маша с гулянки брюхатая.

Рыбьего сока из пальца сестры
Выпила Маша и протрезвела.
Видишь, как обе состарились?
Разве
Хватит им денег и хватает забот?
Хватит. Они улыбаются.
К празднику бывших друзей позовут,
Торт испекут. Кулебяку.

Семейный портрет с котом

Хозяин взял Наталью в женщины,
И с нею – женского мурлыку.
Он, в их постеленку положенный,
Лизал какую-нибудь руку.

Взяла Наталья в мужики
Соседа, Паршина Василия,
Хоть ей не очень-то ужимки
Такой свекрови «се ля ви».

Мать мужика, – а что я – кукла? –
Покуривала «Ароматные».
– Ваш кот во сне, как чёрт, мяукал.
Амбрэ. Вы понимаете?

А для Наташи едкий дым
Был чем-то вроде наказания.
Но вскоре каждый стал своим.
Как чёрт у нового хозяина.

Двое с бутылкой

– Если я когда-нибудь помру, –
пожаловался мне дядя Коля, показывая на бутылку, –
то только из-за неё,
но сказал: – из-за Дуськи.

Позже Дуся сказала, что Коля помер,
потому что любил только её одну.
И она показала себе на горло.

– Тут без бутылки, – оба смеются, –
Не разберёшься!

Двое с закуской

Он завязал.
Но ему из Ростова прислали стерлядку.
Он развязал. Зовёт Антонту:
«Закуска такая, что жалко испортить. Придёшь?»

А ведь всего-то:
Остренький носик и репутация.

Тройной портрет

Иванов-Петров-Сидоров –
Как трёхчленный имярек
И репрезентативный фрагмент ряда.

Кто его назначил? Ряд?

Фольклор или канцелярит?

Почему не Андреев-Борисов-Васильев – АБВ,
И не ДНК – Денисов, Николаев, Карпов?
Чем они хуже?
Личным корнем? Коллективным смыслом?
Звукописью?

Социальный химизм
Или фатальная карта?

Бессмертен ли ИПС?

Свидетельства из уст,
Вклейки из истории Искусств,
Фотодокументы.

Групповой портрет с завучем

С короткой стрижкой поленькая завуч
В моём лице мою ругала дочь
За то, что я, бесстыдница и неуч,
Вместо ответа голову морочу.

Трещу, с утра не закрывая рта,
А книжки –
Ну почему в обложки до сих пор
Не обернула я? Какой позор!
Какая бестолочь в короткой стрижке!

Как в армии. Ответь, зачем подковки
Я не прибил к осмотру. Почему
Я извертелась вся, издергалась в столовке,
Наклон не удержала по письму?

Зачем нам мимо не пройти такого факта,
Что кто-то грязь на рисовании развёл?
На ритмике не отбивает такта,
На математике же скачет, как козёл?

Зачем нетрезвым он явился на поверку,
И не явился – тоже почему?
О этот голос, падающий сверху:
Зачем носок я при подходе не тяну?
Зачем я Шпака на риторике толкала?
В толк не возьмёт она, по лбу себе стучит.
Зачем мне в возрасте, нет, не майора, генерала
Сие выслушивать? Риторика молчит.

Меня тут нет. Я отслужил – и хватит!
Мне зав. учебной частью – не жена.
Так что ж она гундит, как старшина?
Зачем безличный воздух виноватит?

Портрет дочери в накопителе

В обратном Адлере на взлётном поле
Я вдруг задумался о воле
В нескромном понимании «хотеть»
И в скромном понимании «стремиться».
Гляжу: невероятно, чтоб взлететь.
И, – чудо! – думаю, – чтоб приземлиться.

Сих дум случайные свидетели
Сосредоточились со мной перед посадкой
В одном удушливом, потея, накопителе;
Склонилась дочь над ученической тетрадкой
Для –
не какого-нибудь там естествознания,
Но, первым делом, отчеркнув поля, -
«Для», – написала, – «вольного писания»,
Которое, конечно, начиналось с «Я»
Такая-то: фамилия, имя, отчество,
Где проживает и так далее.

А дальше думать ей уже не хочется,
Впадать в бытописание детальное.

Портрет в домашнем интерьере

Он муху называет «бедный Озрик»
Чей – помнит – фрак с брусничною искрой,
Любитель говорить, что это возраст
Таков уж... И не за горой
Простор без возраста. Ну не зануда ль?
Другой сказал бы: пустомеля.
Однако, кто сумел бы Букстехуде,
Как он, зануда,
Отличить от Пахельбеля?

Он на себя бывал особенно похож,
Когда травил всё ту же с бороною байку,
И у плиты со спичками: «Ну что ж,
Давай-ка, брат, с тобой поставим «Чайку».

Любитель: «Карты, – говорить, – сданы!»
К ним, картам, с детства равнодушен,
Внезапно бросить взгляд со стороны:
«Ты пьян, прости, и оттого мне скучен».

А сам-то? По какой причине
Его, вы думаете, мучает икота?
И, вдруг, беседы дружеской посередине
Он затевает распрю о сангине,
Что всё-таки, она – не терракота!

Мы на балконе с сигареткой холодеем,
А в комнате, в виду ледовой брани,
Давно уж, удрученные хоккеем,
Не различаем шайбу на экране.

Портрет у карты мира

Не сесть за стол, чтоб океан какой-то не потрогать.
Лежит в Атлантике мой левый,
в Тихом – правый локоть,
Располагаются локтей посередине
Стакан у Баттерби – на плавающей льдине –
И виды сверху на страну мою огромную.

Я революцию проделал за столом
Бескровную.
Настольная папира
На рвань пошла, как некогда на слом
Отживший мир пошёл,
А вместо – карта мира! –
Клеёная кнопками прибита.

Гуляет муха в области Магрита,
Стоит в Якутии бутылка, не допита,
В мозгу пластинка вертится – никак
Не распрощается со мною Рио-Рита...

Портрет идущей дамы

Невозможная в обтяжку
Дама, склонная к избытку,
Ляжкой чиркает о ляжку,
Лыткой стучает об лытку.
К ней, чрезмерной, чувство клонится,
К полноте сердечко жмётся.
И от стука не разломится,
Но от трения зажжётся!

Портрет идущей девушки

Шла Саша по шоссе,
А за ней – шахсэ-вахсэ.

Портрет фигуры речи

– Положа руку на...

если на сердце – то это – откровенность,
если на лоб – то это – здравомыслие или безумие,
если на печень – то это – алкогольный юмор,
есть там место и для непечатного юмора,
главное – прикладывать руку к себе, а не к собеседникам, –

так говорила фигура речи,
прелестями соблазняя меня
антропоцентризма.

Портрет Кубинского зайца

Про меня говорили: «Кубинский заяц»,
потому что на моей груди масляной краской
был нарисован кубинский флаг.
Сам нарисовал – по случаю победы Фиделя
над десантом гусанос (червей)
в заливе Свиной (Лос Кочинос).
Мне говорили: – Выбрось ты эту футболку,
всё равно ведь испорчена.
А заяц – потому что два моих зуба передних
были очевидно выдающимися.
Выбросил.

Было время такое: нет-нет да и вспомнят:
– Эй, кубинский!..
Был и Насер у нас – Авдеев.
Потому что Авдей – Абдель – Насер.
И Труп – Тихомиров. Потому что бледный.
Приезжал на каникулы из Ленинграда.
Что ещё? Под ноль
всем подстриженным не говорили: – Хрущёв,
только – Бубукин!

И вот, на днях выясняется, что «Кубинский заяц» –
это игрушка-подушка из мягкого флиса,
файбертека, фетра. Минск. Беларусь.

Проза жизни – на Кубе нет зайцев,
а в Белоруссии – хоть завались.

Поэзия – настоящие строки
о том, как рифмуется личная
история с общей: кризис, грызун.

Прости, Тихомиров,
тихий, мирный.

Пейзаж с Полифемом

Над нами ель некорабельная качается,
Поскрипывает, с высшим сообщается,
И всяк под ней о том и говорит,
Что дело дрянь, и к чёрту не горит
Костёр, который я шалашиком устроил,
Да не таким, как надо,
И при этом
Не так свернул бумажку с берестюю,
Да и не ту. Не с тем, видать, портретом,
Насквозь промокнувшим малиной
В газете «Труд» неопалимой.

Раздувши угли мы встаём с колен,
Разламываем ветки о колена,
И все кричим: «Где Полифем?!
И все молчим – нет Полифема.

Пейзаж с грибником

Под ёлкою мне голос был тревожный,
Когда нагнулся я, грибник неудержимый:
«Поверьте, я опёнок – ложный.
Вы понимаете? Не лживый!»

Пейзаж со статуей

Там за госпиталем горки,
А на горках хвойный лес.
Живописные просторы
Места чудного вокруг.

Посреди зелёной массы
Выступают тут и там
Жёлто-белые киоски,
Балюстрады, корпуса.

И прекрасная купальня –
Входит в воду и выходит,
А в воде, как и на суше,
Всюду статуи стоят.

Вот и я – в газетной шапке,
На носу зелёный листик,
Встану с теннисной ракеткой –
Всюду буду тут стоять!

Не пойду на ужин в 8.
Отойдите! Наблюдаю,
Как проходят километры
Места чудного вокруг!

Пейзаж с трактором

Грачей драка,
обрывки ругани
про друг друга ли,
про трактор ли,
про тракториста с транзистором
с Первым концертом Чайковского
и солистом –
Рихтером у рояля,
и дирижером – Фон Караяном
у пульта. А фуль-го?
Все –
игроки на поле!

Пейзаж с комарами в овраге

Свистуха.
Проверка зрения и слуха.
Шумит по-русски березняк,
По-польски шелестит бжезина,
Со звуком сопрягая знак,
Растёт как буква У осина,
И надо всеми реактивный «ТУ»
Подчёркивает в небе высоту.

Тут Вовка всем кричит: «Ау!»
Ему в ответ многоголосый
Пан отзывается курносый.

И некий антропос, во глубину оврага
Малиной с ежевикой влеком,
Себе по облику двенадцатым шлепком
Казнит настырного антропофага;

И Пальма, прыгая, как тёлка –
Овчарка – словно кличет волка:
«Вовк! Вовк!»...

Пейзаж с пеньком

Я в году двухтысячном,
Лет трёх примерно без,
Где-то под Мытищами
Углубился в лес.
Утречко студёное.
Для подъёма сил
Я сел на пень. Варёное
Яичко откусил.
Откусил – и солнышко
Восстало наверху.
Опрокинув горлышко,
Я упал во мху.
Зелень-белень, крошево,
Кашка, клеверок
И всего хорошего
Много между строк.
Между строк, что брошены
Покрывать мхом.
Мхом всего хорошего
Обо всём плохом.

Небесный пейзаж

Считается, что облака – воздушная стихия.
Хотя они – водная. Как и радуга.
Как и человек – на 75 процентов.
Мысль:
– Что есть наибольшая иллюзия: радуга или облако,
похожее на Черчилля,
курящего сигару?
Мысль: – Облако, похожее на Бога.
То есть просто облако, ни на кого не похожее.

Таких большинство.

На серой ветке

Пурпурно-алые яблоки, думаю, что – Джонатан,
Скачут по лестнице вниз на «Отрадном».

Север. Серая ветка.

Эка печаль, что – побитые,
На кольцевой – всё б раздавили!

Думаю,

Что же такое на «Бунинской» скачет «аллее»?
Ясно – антоновка, желто-зелёная!

Серая ветка. Юг.

В маршрутке

О вещи бесхозной я доложил шофёру маршрутки:
– Там кто-то оставил портфель на заднем сидении!

– Ты – первый увидел – и забирай его – ты!

На Арбатской

Со мною случай на метро «Арбатской»
Произошёл весьма дурацкий.

Запомним: нищий, к стенке прислонённый,
Сидит с гармошкой – без руки.
Навстречу панк идёт с причёскою зелёной,
За мной постукивают шпильки-каблуки
Трёх женщин – трёх различных рас.

Да. Я о фатуме, конечно, повествую.

Споткнулась чёрная. Но не о том рассказ —
Она ногой поддела мятую, пустую
«Джин-тоник» банку жестяную.
И вот помчалась жестяная банка
С подскоками – к ботинку панка.
Тот бьёт по банке – китаянке —
Ей на подъём и под её замах.
Она, в вельветовых штанах —
Бьёт! – в гармониста попадает. Нищий
Сам молодой, но с Карабаса бородищей,
Единственной рукой с татуировкой «вор»
Меня расстреливает банкою в упор!
Я уклоняюсь, белую сбиваю проститутку,
Её, чтоб не упала, ухватив за грудь.
И мы вдвоём, испуганы, как дети,
Заваливаем, падая, мента в бронжилете.

Он, свой отдельный наблюдая интерес,
Бежал по службе – нам вразрез!

А я, увы, не в очень трезвом виде.
Душа-предательница в пятки упадет.
Но мент сказал мне: «Извините!».
Да. Это выдумка. Такого не бывает!

О сколь же наши представленья скудны
О том, что тут бывает. Божья воля
Нас уместила в три секунды —
Как мы попадали, футболя.

Не хочешь – а влипаешь в передрягу,
Хоть ты запишись, да окна все закрой!
Четвёртая секунда – и «Бродягу»
Играет нищий. Да. Одной рукой.

В аптеке

Зол алкоголик Седов на Божье творенье без кира.
Мухи мясные в витринах на скрученных лентах висят.
Пусто в палатках и нету, увы, у таксиста. А было б?
– Было б – не дали! – в аптеке сказали, – уходите!
Всё разобрали: «Боярышник» и «Поморин»!

Что же осталось?

На оптовом рынке

Бывало, все услуги по –
Один продмаг, одно сельпо.
Теперь...

Италия, керамика, смеситель,
Германия, сушитель, нагреватель,
И я как Витя, биожитель – потребитель
И Лёша, мой приятель – покупатель –
Идём вдоль по рядам внимательно и бодро.
В центре вниманья – голени и бедра
Куриные, и для морозной свежести –
«Миф», «Дося» моющие принадлежности
И «Ласка»;
Сосиска венская, колбаска
Деревенская.
Теперь их тут, как воздуха – навалом,
А ведь бывало... Хватит о бывалом!

Особенность конкретного простора:
Замылка взора,
Тыщи как копейки,
Рука судьбы,
Плечо индейки.

В лифте

1.

Такая неловкость, хоть провались:
людям, прижатым друг к другу в лифте
не по себе от навязанной близости –

молчат. Глядят упёрто.
Ну, а как ещё – если в упор-то?

Взгляд в упор нагл, вызывающ, нападающ.
А куда его деть-то?

Вперил

скромным образом –
в личную область крепления берцы и сюзки
с округлым, слава богу, носком,
а не – узким, клювообразным
и загнутым кверху, как дьявольский коготь,
и к лодыжке привязанным
с бубенцами – отпугивать нечисть;

и, к счастью, –
не с «волчьей» разлапистой «пастью»,
и не с тупой медвежьей стопой,
как у Лютера,
и не с квадратным носком, обрубленным
как у Абсолютного
Солнца.

Да, это плохо: шнуровка, лопнув, надставлена.
Но впорность хорошая – в подъёме разношена
и в пальцах не сдавлена.

Да. Уходя не почистил. Бурая кожа,
вижу, местами пожухла и треснула,
чую – у задника как – измочалена прошва.
Подошвы не видно, но мне-то известно,
что отходит подошва – отчасти
в пелёночной части. Отсюда –
и рант вшивной, кое-как живой,
и голос
человека невидимки:
– Как-никак, а ботинки!

2.

Я здороваюсь со всеми, не видя каждого в упор.
Войдя в кабину, говорю: «Здрасьте!» –
уже повернувшись лицом к дверям.
А другие решают – как отзываться:
приветливо, невразумительно или никак.
За ними – ответный ход. Молчание –
на их совести.

Однажды в ответ на моё «Здрасьте!»
я услышал нечто чрезмерное: – Вот человек! –
воскликнул кто-то, – а эти трупёрды упёртые –
никогда такого не скажут: – Здрасьте!

Наши попутчицы – нет, никак не трупёрды упёртые –
живо как «Здрасьте!» ответили: – Ну и скоты! –
обоим. А мне-то за что?

– За то, что «Здрасьте!» сказав,
ты не увидел в них человека, –
незрячей спиной не почуял свинячьей! – так
укорил меня кто-то и вышел – вижу:
надутый индюк в спартаковской шапке
пошёл, как орёл, в генеральской папахе.
А что эти шавки? Эти две росомахи –
чую – вгрызаются с дикою силою
в спину мою со щетиною сивою.

В стояке на Маяковке

Только я кружку поставил – полную и с подогревом,
только газетку я развернул
с остатками ребрышек и плавничков,
так тут же блатная плотва и гнойва худая подумали,
что я спекулирую бублой из-под полы.
И главное – кто же сказал мне такое
в лицо?

Два хека в ушанках.

– Мы тебя знаем – барыгу, – сказали два хека в ушанках.
Ссыпали мелочь – как брызнули – мне на газетку.
– Пикшу не хошь ли? – бегло по-матери блякнули,
внаглую рёбрышки взяли мои
и плавнички.

Это точно: в Москве
бубла была тогда редкостью дикой!

На Тверской

«Не прислоняться!» –
крикнула мне в лицо впереди стоящая дама
в новогодней очереди к Елисееву,
а за мною стоящий мужик сказал:
«Шустрим, братишка?»

Приняли за кого-то не того. За кого?
Эротомана ли не того, щипача не того ли...

В химкиных ховрах

Были мы парни хоть куда, но себе на уме.
И это – обидно.
Как-то застряли мы в химкиных ховрах каких-то –
– Хевроны ефимкины –
мы так их, шутя, называли – в смысле
хрен туда доберёшься.

А как выбираться из этой глуши?
Редкая мимо промчится машина,
не остановится.

Ладно. Легли поперёк дороги, думаем,
какая-нибудь остановится.

Остановилась.

Выходят менты. – Ну, что, обезьяны?

Не потому обезьяны, что дико лохматые,
а потому что нас повезут в обезьянник.
– Да хоть куда! – Вот достойный ответ фаталиста.
Но мы промолчали.

А ведь как хорошо-то: хевроны ефимкины!
Не прижилось.

Бешеная ворона

Зачем какой-то хрен с горы
Вдруг среди ночи, ровно в три,
Подобно бешеной вороне,
Мне в трубку дважды каркнул: – Говори!

Что он в ответ услышит кроме?

(Известно: каркают с пяти –
вороны в норме).

У парадной двери

Вчера сорвали домофон –
От скуки или ради цветметалла.
Трындит, бывало, среди ночи он,
Чтобы жильцам не показалось мало.

Жму 27, а получаю 7.
Из домофона мне кричит семёрка,
Что я, наверно, чокнутый совсем,
Как этот домофон, всех доведу до морга.

Жму 27, а получаю 2.
Из домофона двойка вопрошает,
Откуда, мол, такая голова
Растёт – живущему мешает?

Жму 27. Её и получаю.
Я там живу. И потому не отвечаю,
Жильцам рассерженным подобно,
Так истерично и так злобно.

Слова на двери

К нашей парадной двери приклеено
много разных бумажек. Из них наихудшая:

«КУПЛЮ ВОЛОСЫ
дороже всех».

Ну, прочёл и забыл.
Нет! Однажды почувствовал
недосказанность в этих словах:

«КУПЛЮ ВОЛОСЫ»
широко адресуются публике,
но затем
их интонация резко меняется – на
проникновенно личную:
«дороже всех...
для меня – только ты!»

Именно так и звучат слова бессмертной души,
обращенные к каждому,
кто в повседневности
голос её желает слышать.

Голос её – дороже всех.

На Гоголевском бульваре

Шолохов в лодке сидит поперёк людского потока.
Пара гребков – и упрётся в ограду чугунную.
Лучше б ему от «Кропоткинской» в сторону Гоголя
Вдоль по бульвару свободно направить движение.

Нет, вектор к Сивцему Вражку здесь тормознул.
Отдыхает –
Писатель,
А вектор –
Всё же стремится.
Нет, не наедет.

Но мимо – как ни пройду – спотыкаюсь.

На Трубной

На Трубной,
Где я жил и умер Джугашвили,
Меня сограждане едва не раздавили,
Чтоб жизнь моя не показалась мёдом
И чтобы выжившие крепче здоровели
В пивном ларьке,
Набитым доверху народом,
При Горбаче на Руставели.
Сбылась мечта. В любую непогоду
Ты в круглосуточный заходишь угловой,
А там всего полно! И – никого народу!
Друзья! От радости такой
Вполне возможно удавиться,
Поскольку не с кем ею поделиться...
Ба! Айзенберг!

На скверике

Схожу к Москве-реке,
посижу на скверике...

Сел рядом со мной Саша – с тремя газетами.
Одна лежала у него на голове,
на другую он сел,
а третьей, свёрнутой в трубочку,
стал постукивать себе по коленке:

– Т-к, т-к, т-к.

Сидит, пожимает плечами в смысле:

«Да кто его знает?»

Или кивнёт: «Это уж точно!» –
газету к голове прижимая.

Думаю, зачем он из дома вышел – в пижаме,
правда – в приличной, похожей
на спортивный костюм? «Саша» –
на левом нагрудном кармане написано. Что это?
Фирма или самоназвание?

И шарф зачем повязал? – бетоновский –
мерзкий, небесно-клюквенный? А?
В спешке, наверное, взял первый попавшийся – внука
или кого-там.

Да что за спешка? Саша, ты что?
Время дремать на диване, укрывшись газетой –
у вентилятора «Харьков» настольного,
«тк-тк-тк» всю жизнь тарахтящего или
под сплит-системой «Хитачи».

Подул ветерок. Саша
прижал к голове газету – покрепче.
Эх, шляпу! –

надо было бы брать, а не шарф бетоновский –
лёгкую шляпу с широким соломенным полем –
такую
я никогда не носил, да и шляп вообще.
А галстук?
В юности, помню, надел – как свидетель на свадьбе.

А может, ему просто поговорить не с кем?

Я достал сигаретку, спросил у Санька насчёт огонька.
Саша плечами пожал в смысле «что вы, откуда?» –

Ну, а где его взять, огонька-то?

Я вышел на улицу,
но среди прохожих курильщиков не встретил.
Да и какие прохожие? Пекло!
За сорок в тени, за пятьдесят.
Все у себя
дома под сплитами дремлют лежачими.
Вернулся – никого. Три газеты лежали на лавочке:
– Т-к, т-к, т-к...

Ну, две ему не нужны –
под зад, и по коленке стучать
в смысле «так-то и так-то»,
но без третьей – на голове от удара –
он не ушёл бы. Думаю: – Испарился? Нет, никогда.
Шарф бы тогда остался – позорный,
лазорево-пурпурный,
от Бенетона,

прекраснозвучащего.

За телефонным разговором

Как ни верти, со всех сторон
Сей лист исполнен сущим вздором
Автоматическим пером
За телефонным разговором.

Он разрисован и исписан
Клочками речи, чёртом лысым,
Кудрявым вензелем-узором.
За телефонным разговором.

Автоматическим заявлены пером:
Яиц десяток, пачка макарон,
План, как добраться от Автозаводки
До башни у бензоколонки, 2 бут. водки,
Исправлено: Электро, мать её, заводки,
Вокз. Белорусск., ваг 9, профиль тётки,
Из Вильнюса посылка с проводницей,
Следы сознания, в его потоке
А. Пушкин не был за границей,
В Москве Набоков, я на Потомке.

И далее в таком же вкусе:
Лук и чеснок от сглаза и простуд,
Тел. дом. и раб. и моб. Мережниковой Муси,
Дом Архитект., 10-го выступ.
Осёл анфас, написано: Мидас...

Подозреваю, всё-таки цензура
Сей лист отметила своей виньеткой:
Там некто – умолчания фигура –
Надежно заштрихован мелкой сеткой.

План

Вид сверху: в трещинах паркет.
Вид снизу: потолок протёк.
Вид сбоку: выцвели обои.

Давно, усталый раб, замыслил я побелку,
Оклейку и циклёвку.

В прихожей

- Сыночек, а у тебя есть мелочь на метро?
- Мама! Какая мелочь?!

У меня пенсионное удостоверение!

ПОДМОСКОВНЫЕ зарисовки

Виктор Коваль ✂ персональная выставка

Ёшкин кот

1.

Скачет лягушка по нашей садовой дорожке,
Ёжик за нею бежит, никак не поспеет.
Тут появляется Лакки (Lucky – удачник).
Как чёрная молния, он настигает лягушку,
Чуть придавив, отступает:
«Ёжик, твой теперь ход!»

Ёжик – к лягушке. Но та
Живо в тройном прыжке сиганула
В кадку с водой дождевою и грязной посудой – плюю!
Скрылась, как в омуте. Двух
Теплокровных надула амфибия.
Слава лягушке!

Слава Лакки, коту,
Вступившему с ёжиком чуждым в совместную ловлю
Не ради корысти!

Гостю, спасибо, ежу, за то, что уважил
Мой садовый участок нашего общества «Дружба»!

Мне – не успевшему переоформить
Право своё на собственность эту –
Позор!

2.

Трудно качаться на даче в своём гамаке,
Если земля не заверена
В Дмитрове нотариально.
Если тут каждая яблоня шепчет:
«Как же тебе не поздно!»

Впору сказать, наконец:
«Ёшкин кот!»
И – двинуться в Дмитров

3.

Двинулся только – но тут – ёшкин кот! –
Вдруг ураган налетел!

Двенадцатибальный. Со шквалом.

Если бы Лакки совсем её придушил –
Баллов было бы больше, и крышу, наверно, снесло,
А так –
В кадке вода обновилась, ну и посуда. И ладно.

Тучки небесные высохнут – двинемся снова:

Не унывая – как ёжик,
С силой витальной – как у лягушки,
Как Лакки – играючи!

4.

В строгих словах о нелёгком труде садовода,
Помнится, тщетно к земле меня приучал
Папа, когда-то хозяин участка, участник
Финской компании в тридцать девятом, а дальше –
В танке проехавший через Европу – в Китай.

– Всё это – глупости, – так говорил недовольно
Папа, когда я просил: – Расскажи про кукушек!

У развилки на Вербилки

У развилки на Вербилки
«Запорожец», дико воя,
Неделимое раздвоил:
Дух водителя такого-то
От плохого отделил
Тела смертного, хмельного.

Неделимое сержанта
Вдаль выпрастывало руку.
Правая, она держала
Раздвижную вдаль рулетку.

Неделимое майора
Веерообразно в рупор
Правду грубо излагало
На не слышащих в упор:

«Расходитесь по домам,
Ваши катастрофы там!»

Но неделимое народа
Стоит стеной бесповоротно
В демонстрации протеста
Против пагубного места

У развилки на Вербилки.

Пугало

Пугало огородное,
В плащ рыбацкий одетое
Или в мой бушлат стройотрядовский –

Нет, никакой ты не жупел и никому не пугач,
Но элемент
Архитектуры садово-парковой –

Если птицы садятся на плечи твои и голову,
Как на памятник
Зевсу в Летнем саду.

Воробей

К нам в электричку влетел воробей.
Так же вылететь прочь ему уже невозможно.
Не объяснишь ему: вот приоткрыто окошко.

Путь от «Морозок» до «Тимирязевки» – час
Без малого.
А с малым сим – совсем ничего.

То по вагону он в ужасе мечется,
То он бесстрашно садится на плечи и головы.
Юркий! Нет, не ухватишь такого!

Один ухватил. Крепко, но бережно.
Резко бросил его (иначе – нельзя) в окошко – гуляй!
Прямо навстречу идущему поезду.

– Юркий! – подумал вагон, – наверное, вырулил!

Зять

Как-то в Свистухе мой зять захромал на левую ногу –
артрит.
С палочкой двинулся он за продуктом
В ближний ларёк, где какая-то сука
Хворую ногу ему искусала, собака.

Ибо с палкой пришёл, а у суки – щенки.
Да и нечистый – тоже хромает на левую ногу.
Не избежать тебе, зять, превентивной атаки,
Если в деталях ты, зять, не продуман,

А в ближнем – всяко бывает. Свистуха!

Через неделю – крестился. Рядом, в Ильинском,
Именно в день пророка Ильи. Ну, посмотрим.

Паром

– Эй, дебаркадер несчастный,
понтон недоштопанный!
Что ты тянешься с визгом и скрипом –
никак не развалишься?!

Так бранят его местные, чтобы не сглазить –
вот он пока и тянется, тянется,
рыбу пугает пока.

– Рыбу? Какую? Окстись! –
посмеиваются,
Яхрому речку «вонючкой» зовут – для отвода
глаза дурного.

Егоза и паромщик

– Слышь, что ли? Спишь
в ботинке одном?! Я же сказала:
– Отчаливай, старый, отчаливай!
Если не мучить Муму, то успеем –
до перерыва – на десять!
Ну, давай, шевелись, пошевеливай вал!
Слышь, что ли – грома раскаты?!

– «Отчаливай!» – так говори жениху своему
конопатому. Ясно? И – «шевелись».
Видишь: люди, как мухи ползут – кое-как,
не торопятся, думают,
что, наверно, дадут дополнительный.
Дадут – не дадут, а я без людей не отчаю.
Жди! И не ёрзай мне под руку, как шилохвостка!
С шилом в заднице тут над душой не елозь. Тьфу! –
Сплюнул несмачно – только ради словца,
бегло ощущал себя – где же, где? – достаёт,
рукавом заслоняет от ветра. Чиркает.
– Бедный мой парус, кафтан дыроватый, –
песню под нос себе напевает, – тьфу! –
с легкой руки шилохвостки.

Участок

На даче все мои остыли чувства.
Теперь одна, за то, что бесконечна,
Меня вселенная волнует и капуста,
Тем, что вся в лист ушла без кочана.

Известно, надо жить с собою в мире
И о самом себе особенно не грезить.
Считаю, засыпая: «...три, четыре...»
И дальше снится мне, что девять десять

метафизическая ЖИВОПИСЬ

Виктор Коваль ☞ персональная выставка

Два пейзажа

– Поднять Нечерноземье!

Подняли Нечерноземье,
а там – Средиземноморье!

Бог и природа

Мне бог велел на музыке играть,
А вот природа в слухе отказала.
Она мне в ухо правое задула
Комок дикорастущей ваты.

Бог возмущён: «Играй же, не ломайся!
В блок-флейты дуй, в бамбуковые палки,
Всю вату вон из уха выдувай!
А ты, натура, – сядь в его концерт!»

Неловко мне с дикорастущей ватой,
Напоминаю, в правом ухе,
На публике, по-разному предвзятой,
Играть в своём, подчёркиваю, духе.

Роза и мухи

Скрученной в трубку газетой красавица Роза,
Мегера,
Двух синеватых с зелёной искрою прибила
Мух космоногих, бликующих в солнечном свете.
– Уйдите! –
Хлопнув об стену и по столу, –
Вот вам, заразы! – сказала.

Мухи давно улетели,
А девушка бьёт их и бьёт.

Дух назойливый

Я о том певаю честно,
Как бывая на столе,
Он крыло ногой почистит –
Грязелюб и сластоед.
Как он сам на стенку влезет,
Как покажет свой естест
Вертикальный с места взлёт
И – о вдруг! – его присест.

Взмыл – как не был,
Сел – как влип!
Вы б так смогли б?

Страшно нам такое трогать.
Он заламывает локоть,
Уши чешет, шею трёт,
с головы лицо стирает,
Моет руки, как в театре –
Понарошку: – Нуте-с, нуте-с,
Замахнитесь и проснитесь.

1.

Вот бегают дворовый мальчик –
мой сосед по двору в переулке 3-м Неглинном.
Засовывая туда-сюда указательный палец
из своего кулака и снова в кулак, он говорит:
– Так делают твои родители,
и от этого рождаются дети.
Но – самоделки.
Понимаешь, ты – самоделка!
– А ты?
– Ну и я.

По его разумению «самоделкин» путь размножения
был маргинальным путём,
в отличие от магистрального пути,
сущность коего мальчик определить не мог,
но он, другой путь, был.
Истинный. Законный.
Вроде бы, обычный вариант дворового просвещения
на запретные темы –
с матерными словами, но – с каким-то душком.
Манихейским.

Детский фольклор, недетский. Заядлый.

2.

Это было что-то вроде ветрянки. Поветрие.
Беспричинно мы говорили Пете презрительно: – Вася!
Андрею – насмешливо: – Ну, тты, Григорий!
Антону – с издёвкой: – Аннатолий!
Выдуло ветром – прошло...

А что Самоделкин?
Сам себя сделавший волевой человек.
Self made man.
А Незнайка – Адам
до грехопадения,
Знайка – после.
Сам Николай Николаевич Носов,
автор Незнайки и Знайки,
о поэзии как-то завёл со мной разговор
нелицеприятный.

Когда я, желая понравиться Носову, прочёл наизусть:
– В траве сидел кузнечик, совсем как огуречик, -
Николай Николаевич перебил меня резко:
– Это полная глупость! Запомни:
классику надо учить, а не Носова!
Пушкина, а не меня!

Играл я тогда Мишку Козлова
в «Мишкиной каше» Носова.
(Киностудия имени Горького),
Был воплощенным плодом его воображения.
Поэтому Николай Николаевич
говорил со мной откровенно, как и с самим собой:
– Эту глупость пустую – забудь!

Вот она глупость: пустая
и она же – полная!
Об уме такого не скажешь.

Так я и сделал: взялся за «Онегина».
Выучил даже описание бала.
И эту глупость пустую
никогда не забуду
и полную,
ту.

Сапоги, видом похожие

Распря двух Иванов. Расклад таков:
Иван Иванович – из духовного звания,
а Иван Никифорович – из казаков.
Мол, гусь (Иванович)
свинье (Никифоровичу)
не товарищ,
но – Армагеддон!

Дорогие мои!
Вспомните, как по-соседски, бывало,
вы товариществовали за пышным столом
с водкой перегонной, с брагой, с бузой!
А квасу тут столькое множество было,
что и глядеть на него не хотелось!
А заливной поросёнок!
А журавель запечённый!
А кушанье,
видом похожее на сапоги, в квасе намоченные!

Стоп! Что за кушанье?
Почему сапоги?

Потому. Они говорят:
– Наша скромная еда – подорожник, лебеда.
А наша праздничная пища – вырезка из голенища.
Всё – в квасе замочено!

Оценщик и мастера

– Хули делать? – Делать хули.
– Как опять всё те же хули?
Я вчера наделал хулей
Лет на семьдесят вперед.

– Впрок не делаются хули.
Смысл хулей в ежедневном
Хуль посильном производстве.
Расшибись – а в день по хуле –
Сделай – и гуляй свободен!
Но не делай для отписки
Ты некачественных хуль
Лет на семьдесят вперёд.

А не то оценщик хуль
Спросит: – Разве это хули?

Мы вздохнём: – А хули делать?
– Делать хули! – скажет он.

Стена

Это время сплошь едино.
Прочитавши Бахтина,
Вижу: высится стена,
А на ней висит картина:

Рама, небо голубое,
Домик с чижиком в окне,
Кошка, кактус и алоэ,
Лампа, стол и всё такое:
За столом хохочет кто-то,
Под стеклом цветное фото,
Чайки, море в глубине,
И обоев позолота –
Всё принадлежит стене.

Уникальная работа!

О природе (несмешная)
Смеха – книжка раздвижная.

Установка натюрморта

Поставил на диван чертёжную доску. Не глядя, накиннул на доску белую льняную драпировку – так, чтобы складки сами упали с доски и распространились по горизонтальной плоскости. Положил в складки кораблик, сложенный из газеты. Поставил белую вазу, матовую. Рядом – тоже белую, но – глянцевую, с бликами. Мысль: – А не бросить ли пару вишен на втором плане, – посчитал кощунственной. Натюрморт должен быть весь белым. Поставил два прозрачных стакана – гранёный и тонкий. Тонкий – повалил на бок. Кажется, всё. Одна группа предметов – выстроена, другая – в произвольном небрежении. Нет, чего-то не хватает. Налил немного воды в гранёный стакан, положил в глянцевую вазу три яйца – белых. Кажется, что-то лишнее. Убрал тонкий стакан. При этом задел складки. Поправлять их нельзя – будет хуже. Всё! Натюрморт установлен! Мысль: – А зачем его рисовать, если он уже готов? – посчитал кощунственной и дилетантской. Мысль профессионала: – Поди, приляг, сосни – натюрморт должен, как следует, отстояться.

Велосипед

Наказание – рисовать по памяти велосипед. Помню, что он где-то вписывается в ромб. – А конь – в квадрат, – сказал аниматор Юрий Норштейн. Нас познакомили в вестибюле метро «Водный стадион». Сказали про обоих: – Вот, тоже художник. Мысль: – А вот велосипед! Ответная: – Конь! Сошёл сразу же, на «Войковской». Ничего, когда-нибудь договорим. Мысль: – А вдруг сказанного – достаточно?

Конь

Как-то, засыпая, стал вспоминать, как ноги у коня сгибаются. Задние – так же, как передние? Мысленно нарисовал, расхохотался. Нет! Сделал еще несколько набросков и пришёл к такому выводу: передние конечности у коня сгибаются так же, как ноги у человека в коленях, а задние конечности у коня сгибаются так же, как руки у человека в локтях! Мысль: – Скажешь: – Всё не как у людей! – и ошибёшься. Скажешь: – Всё как у людей! – людей насмешешь.

На почте

Зашёл на почту, отстоял в очереди, купил две нужные марки, которые никак не наклеивались. Я их, как положено, облизал, придавил к конверту, да и кулаком потом несколько раз пристукнул – с нарастающей силой. Нет, не наклеиваются. Попросил клей у девушки в окошке. Та сказала, что эти марки сами наклеиваются, только с них надо снять защитную плёнку. Ту самую, которую я так тщательно лизал. – Лизать их с плёнкой – бессмысленно, – уточнила девушка, – а без плёнки – опасно. К языку приклеятся. Это на словах – девушка в окошке, как свет в окошке – просветила. А там, на почте, всё выглядело не так привлекательно. Мысль: – Кроме девушки в окошке, показавшей мне язык – для наглядности.

Красный

Радостный прохожий подходит ко мне, затем меняется в лице. – Извините, обмишулился. И пояснил: – Как грибник в лесу. Думал, что вы – Иван. – А причём тут грибник? – Ну, как же: грибник думает, что это белый, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что нет, не белый. – Красный? Мухомор что ли? – Да не в этом дело. Издалека-то вы на Ивана очень похожи. Звонарёва. Зачем мне знать эту фамилию – Звонарёв? Мысль: – Теперь пусть и другие знают.

Нут-ко, какая погодка?

Посмотрел в окно – в чём люди ходят? Никого. Пошёл на кухню, посмотрел оттуда. Никого. Вышел на лоджию, дождался мужика в майке и тренировочных штанах. Не показатель. Дождался другого – в пальто с поднятым воротником. Мысль: – В майке – собаку выгуливает, а с воротником – старик, они всегда мёрзнут. Оделся соответствующе. Вышел. Народу – тьма!

Ночью в метро

В пустом вагоне, кроме меня – двое. Один в конце вагона спит, развалившись на лавке, а другой – напротив меня – сидя спит. Вижу, у него из кармана бумажник торчит – вот-вот вывалится.

– Проснись, – говорю, – вещь потеряешь!
Нет, спит. В полном отрубле. И тут к нему подсаживается тот, спящий лёжа. Запускает руку ему в карман и медленно вытаскивает оттуда бумажник – глядя мне в глаза. И тот, спящий сидя, тоже на меня глядит.

Мысль: – А мне-то куда глядеть? В сторону – как-то некрасиво, запахло!

Тупой вопрос

– Почему яйца не могут быть квадратными?
– Потому что яйца – объёмные, а квадрат – плоскость. Правильно говорить: «Почему яйца не могут быть кубическими?» Вот тут уже нужно отвечать по существу. Да только кому это надо?

Мысль: – Одной только мне.

Вот-вот!

Чихают при выдохе, икают при вдохе. Бывает, чихают, как и икают – много раз подряд, безудержно. Мысль: – Таковы бессознательные попытки остановить мгновение. И при выдохе (чихании), и при вдохе (икании). Ибо верно было сказано: задерживать дыхание – значит не окисляться, не сгорать, не стареть.

Тут тебе и покусение на вечную жизнь, и наказание за покусение, которое, к счастью, вечно не длится.

Ну, почему?

Однажды сыграли мы в футбол – один на один в двое ворот до пяти голов. Я, старый футболист, проиграл со счётом 0:5! И – кому? Новичку Петру Васильевичу. Ну, почему? Выпили-то мы одинаково!

Мысль: – Крепко выпив, напрочь забыли: я – про свою футбольную юность, а Пётр Васильевич – про то, что никогда в жизни в футбол не играл. И тут у Петра, конечно, преимущество.

Мысль, Звонарёв, догоняешь?

На пределе сил

Убитые жарой, возвращаемся с речки. Я отстал. Гляжу, как мои попутчики бредут, едва передвигая ноги.

Мысль: – А не рвануть ли мне вперёд изо всех сил – со словами: – Собака! Бешеная собака!

Предыстория: однажды на съёмках кинофильма «Дружок» (1958 г.) режиссёр попросил меня показать вялым ребятам из массовки, как им надо правильно отыграть эпизод со словами: – Собака! Бешеная собака! Я показал.

Показал и сейчас – своим попутчикам. Те – в недоумении. Но не в том смысле, что: – Рехнулся? Какая бешеная собака? А в том смысле, что: – Какая же это – бешеная собака?

Смотрю, за мной, бегущим и на бегу кричащим: – Собака! Бешеная собака! – действительно понеслась, неизвестно откуда взявшаяся собачка – вроде японского хина. Яростно тявкает. Бежевая.

Мысль: – Нашлась божья тварь – отозвалась на мою мысль. Невольно. Посильно.

Спасибо.

Кот с пятном

Снежок – так мы когда-то называли белого котёнка с серым пятном на груди. Пятно со временем увеличилось и потемнело. Сейчас Снежок – абсолютно чёрный кот с белой звездочкой на лбу и с новым именем – не связанным с его цветом – «Лакки» (удачник). Но я, шутя, называю его по-прежнему Снежок.

Мысль: – Чтобы не умножать лишних сущностей.

Снежок

При моём появлении он ничем не выказал своего беспокойства, продолжая лежать с закрытыми глазами. Знаю: так он зрит сквозь дрему.

Это значит, что ему понравился обжитый мной уголок, тщательно мной продуманный и прочувствованный и, вроде бы – специально для него приготовленный.

Все важные детали моего натюрморта остались стоять на своих местах, не сдвинувшись ни на миллиметр. Кроме – газетного кораблика. На нём Снежок и улегся. Складки тоже оказались смятыми. И – безнадежно испорченными. Ну, и как это всё называется?

– Сучара лыбится! – сказал я, опережая мысль.

Мысль: – Анимация натюрморта!

Поэтическая серия
«Цирка «Олимп»+TV

В серии в 2012–2013 гг. изданы:

Александр Ожиганов

Утро в полях. Девятая книга. – Самара, 2012. 80 с.

Александр Макаров-Кротков

Отредактированный экспромт. – Самара, 2013. 80 с.

Сергей Лейбград

Стеклянная мгла. – Самара, 2013. 64 с.

Виталий Лехциер

Фарфоровая свадьба в Праге. – Самара, 2013. 94 с.

Всеволод Некрасов

Самара (слайд-программа)

и другие стихи о городах – Самара, 2013. 98 с.

Татьяна Риздвенко

Стометровка. – Самара, 2013. 68 с.

Колчев Алексей

Лубок к родине. – Самара, 2013. 90 с.

УДК 821.158.1-14
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К 47

К 47 КОВАЛЬ Виктор Станиславович

персональная выставка: стихи. –
Самара, Цирк Олимп+TV, 2014 – 80 с.

Издание подготовлено:

Виктор Коваль – автор, составитель
Сергей Лейбград – предисловие, куратор выпуска
Юлия Рогатина – дизайн, вёрстка
Мария Разумова – фотография на обложке

ISBN 978-5-906607-18-8

Подписано в печать 03.03.2014
Формат 60х90/16. Объём 5 печ. л.
Гарнитура Minion. Бумага мелованная
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 758

Отпечатано в типографии ООО «ДСМ»
Самара, ул. Верхне-Карьерная, за, т. +7 (846) 374 90 90
e-mail:dsm@dsm-print.ru